

Нація и человѣчество

Принцип національности должен быть возведен от эмпирической фактичности к основам антропологии: именно, он коренится в трехчастном строении человѣка. Человѣкъ есть воплощенный дух и, как таковой, состоит из духа, и души и тѣла, — одушевленной тѣлесности. В нем есть личное и родовое начало, мужское и женственное. Дух есть божественное начало в человѣкѣ, имѣющее жизнь в себѣ и раскрывающееся в Богѣ. Человѣческая личность есть личный дух по образу Христову и в этом, онтологическом, смыслѣ она причастна Христу, Его вселенскому вселику. Во Христѣ, как и в человѣческом духѣ, «нѣсть эллин и іудей, варвар и скиѣ, раб и свободъ, но всяческая и во всѣх Христос». Члены тѣла Христова суть тѣм самым граждане міра, члены вселенскаго братства, не интернаціональное, но сверхнаціональное, духовное объединеніе. Поскольку дух обращен ко Христу, он внѣ- или сверхнаціонален. Тот, кто слѣдует за Христом, в этом смыслѣ отвергаетъ себя и своей душевно-тѣлесности: «кто. приходит ко Мнѣ, и не возненавидит отца своего и матери, и жены, и дѣтей, и братьев, и сестер, и притом и самой жизни своей, тот не может быть моим учеником» (Лк. 14, 26). Образ того же самага отреченія в В. З. есть Авраам, которому было сказано: «Пойди из земли твоей, от родства твоего и из дома отца твоего, в землю, которую я тебя укажу» (Быт. 12, 1) а в Н. З. апостол Павел, в котором умер Савл, слуга синагоги, «из іудеев іудей», но родился апостол языков, и для него во Христѣ Іисусѣ уже «не имѣет силы ни обрѣзаніе, ни необрѣзаніе» (Гал. 5, 6). И к тому же был приведен — не без противленія — и апостол Петр, которому, посланному к Корнилию, было открыто, что «Бог нелицеприятен, но во всяком народѣ боящійся Его и поступающій по правдѣ приятен Ему» (Дѣян. 10, 34-5).

Так называемая духовная жизнь выходит до извѣстных предѣлов из-под власти эмпирии, с ея становленіем, простран-

ственностью и временностью. Она не только сверхнациональна, но и сверхъисторична. В ней дух смотрится в самого себя и видит себя в Богѣ. Сокровища духовной жизни открываются в мѣру духовнаго вмѣщенія, они имѣют вѣчную цѣнность, будучи освѣщены не снизу, не сбоку, но сверху. Это есть вѣчная жизнь, о которой учит Христос. В памятниках духовной письменности христіанской мы не столько замѣчаем время, мѣсто, національность в их происхожденіи, сколько поражаемся родством и тождеством их содержанія. И Вѣчная Книга, Св. Евангеліе, как и весь Новый Заветъ, написанные евреями (притом не на лучшем греческом языкѣ, иногда, как Апокалипсис, чуть ли не на жаргонном) совершенно не знают для себя греческой національности, мѣста и времени. Отсюда один шаг до заключенія, что дух вообще не национален, даже чужд, враждебен національности, ее превосходит, растворяет, упраздняет, ибо истинная духовность не только переступает ея грани, но и мѣра этого преодолѣнія есть мѣра духовности. Однако приходится сказать, что это так, но и не так, а если понять духовность, как отрицаніе національности, то и совсѣм не так.

Вернемся к исходным идеям антропологии. Человѣкъ есть не безплотный дух, но воплощенный, и в этом его отличіе от ангелов, как свободных от плоти, но зато и не имѣющих своего собственнаго міра, лишенных прямого в нем участія и имѣющих его лишь через человѣка, в силу сочеловѣчности своей. Конечно, и безплотные духи, так же как и человѣческій дух в себѣ, независимо от своей конкретной воплощенности, являются индивидуально окачественными. Каждое духовное, ангельское и человѣческое я. представляет собой особый луч в плеромѣ Божества, будучи природно тождественно, но ипостасно различно. Ангелы не знают родства, но только іерархію, суть не род, но собор, не имѣют поэтому и національности. Однако, в силу этой индивидуальной окачественности своей, они же суть гении мѣст и эпох, церквей и народов, — ангелы народов суть умопостигаемая основа их бытія. Человѣкъ же, как воплощенный дух, соединен с душой и тѣлом, т.-е. одушевленную плотію, и в этом и через это имѣет родовую основу бытія, корни, погруженные в родную землю, освѣщаемую духом ноч-

ную тьму. Человѣкъ есть единство свѣта и тьмы, дня и ночи, личности и рода, котораго онъ есть звено, сын или дочь, отец или мать, брат и сестра, муж и жена, сын своей земли и своего народа. Его жизнь и творчество духовно-тѣлесно. Солнечная, мужественная сила духа являетъ себя в соединеніи с психеей, которая связана с землей, первоматеріей міра. Начало родовой жизни соединяетъ человѣка и с животным міромъ, духоносность же отличаетъ его от послѣдняго. Животныя, хотя и имѣютъ индивидуальность, но не знаютъ личности, которая присуща лишь духу. Человѣческій духъ имѣетъ природу, которая однако существуетъ лишь для вѣчнаго духа. Теософскія «расы», «подрасы», «духовныя сущности», которыхъ скрещивающимся и пересѣкающимся взаимодействіемъ является человѣческая личность, упраздняютъ эту личность, какъ таковую. Но личность существуетъ дѣйствительно только в связи цѣлаго, какъ бы мы его ни называли: природа, душа, міръ, земля, род и т. п.; человѣкъ есть родовое существо, и родъ есть общее сказуемое для неопредѣленнаго числа подлежащихъ. Это сказуемое, в свою очередь, представляетъ собою сложное и многообразное сочлененіе, начиная от семьи и восходя къ болѣе обширнымъ многоединствамъ родовой жизни, — и в ряду ихъ существуетъ и національность. Если в духовномъ мірѣ индивидуальный духъ имѣетъ для себя изначальную, от Бога исшедшую реальность, которая осознается и развивается на протяженіи всей личной жизни, то природнородовое начало всецѣло погружено в становленіе. В частности, націи возникаютъ, смѣшиваются, умираютъ, амальгамируются, и вообще идея чистой націи есть одна из утопій, фальшивыхъ цѣнностей, которыя соблазняютъ человѣчество. Но это не лишаетъ національныя амальгамы собственнаго конкретнаго бытія, даже и при всеобщей сращенности. В становленіи осуществляется изначальная, софійная идея бытія. И національность не есть только фактъ и в этомъ смыслѣ историческая случайность, пузырь на морѣ бытія, но и умная сущность, упомостагаемое начало, которому поэтому соответствуетъ особый его носитель в ангельскомъ мірѣ. Родовое начало, психея есть для человѣка непреложный фактъ его собственной природы, от котораго онъ онтологически не можетъ, а аксіологически не долженъ освободиться.

даться, ибо это значило бы развоплотиться, перестать быть в своем собственном человѣческом чинѣ. Это люциферическое возстаніе против Творца, в утопически неосуществимом стремленіи перестать быть самим собой, есть мерзость перед Господом. Однако недостойно человѣка всяческое фактопоклонство, и факт должен быть принят как цѣнность и оправдан как идея, из фактичности стать долженствованіем, и, конечно, этим оформляющим началом является дух. Человѣкъ есть сложное и поэтому трудное для себя самого существо, но трудность эту подъял на Себя Богочеловѣкъ, — в боговоплощеніи. Гармонія и равновѣсіе есть здѣсь искомое, и всякое упрощеніе в ту или иную сторону извращает онтологическое соотношеніе в его антиномичности. Космополитизм, под предлогом мнимой духовности, есть такая же ложь, как и зоологическій интернаціонализм, упраздняющій цѣлостное воспріятіе психеи ради одной лишь стороны родового существованія, именно классовой, соціальной солидарности. И такую же ложь являет собой звѣриный націонализм, в котором опрокидываются іерархіи цѣнностей и усваивается пріоритет не духа над психеей, но психеи над духом. Еще К. Леонтьев отмѣтил связь между упадком духовности и ростом наступательнаго націонализма малых, искусственно возрождаемых народностей с их партикуляризмом. Равновѣсіе здѣсь находится нелегко. Однако для правильной постановки вопроса и для соблюденія іерархіи цѣнностей необходимо установить основные постулаты. И, прежде всего, естественно для человѣка в силу его онтологіи любить свою психею, как род и родину, народ и землю, во всем составѣ этого комплекса: язык, характер, дары, творчество, исторію, а потому и должно любить, грѣховно не любить, ибо было бы онтологическим уродством, извращеніем, оскуднѣніем. Только любовь дает зрячесть и прозрѣніе, без любви нельзя знать, и нелюбовь есть и отце- и матереубійство, самоубійство. Конечно, это не есть та высшая любовь личностей между собою, которая соответствует триипостасному образу любви во Св. Троицѣ. Это есть иной образ любви, именно личности к своему достоянію, которая соответствует любви Бога к Софіи в самооткровеніи Его. Такое самораскрытіе человѣка, как твор-

чество себя в своей стихии, не осуществимо въ полноты жизни в природѣ, психеѣ. Существует не только естественная любовь, но и долг любви, а, слѣдовательно, и вѣрности своей родинѣ, как своей психеѣ и своему тѣлу. Эта любовь не должна быть самоутверждающейся в ограниченности своей, которая обращалась бы враждой или презрительностью к другим народам, но она не может не быть исключительной. Вл. Соловьев, развивая идею «національнаго альтруизма», выставил совершенно фальшивую и утопическую максиму: люби чужія національности, как свою собственную. Это подобно тому, как если бы сказать: надо любить чужих жен и чужих дѣтей, чужих друзей, как своих собственных. Эта идея невѣрна онтологически, ибо существуют такія отношенія, которых самая природа состоит в их исключительности. Сюда относится любовь к своим и к своему, — это свойство именно и есть здѣсь объект любви. Однако такой вид любви отличается особенной трудностью и подвергается особой опасности. Именно, насколько любовь личная вообще есть жертвенность и подлинный альтруизм, настолько же любовь к своему всегда угрожает стать себялюбіем. Любовь свойственна лишь духу, я, и любовь к родинѣ есть все-таки духовное самоопредѣленіе я и постольку она требует от него жертвенности, однако без обращенія предмета любви в кумир, в мнимое божество. Свое есть не подлежащее или со-подлежащее в любви, а лишь сказуемое, женственно-пассивное и женственно-двусмысленное. Любовь к своему должна быть активностью духа, но отнюдь не его угашеніем. Грѣхом против этой любви является измѣна своему или мимикрия ради личной корысти, благополучія. Немошь этой любви, в извѣстных предѣлах неодолимая, есть забвеніе и ассимиляция. Сила же этой любви есть духовное творчество, самооткрытіе духа не только в себѣ, но и в своем, то, что и может быть подлинно названо культурой. Родина есть для нас предмет культурнаго творчества, это мы сами в наших особенных дарах и талантах. Родина есть наша душа и наша плоть, как вмѣстѣлице нашего духа. Поэтому ея полнота в нас есть maximum нашего бытія и творчества, ея ущербленность есть замираніе его, и денационализация есть культурная смерть, хотя бы на мо-

гиль и были поставлены оранжерейныя растенія и крашеные бумажные цвѣты.

Однако понятіе родины и націи исторически относительно. Оно может расширяться до предѣлов міровой имперіи с національным синкретизмом и до общечеловѣческаго вселенскаго сознанія, ибо тѣло наше включает в себя связь со всѣм міром, и древо рода связано в корнях своих со всѣм человѣчеством, цѣлостным Адамом. Нація в данном видѣ есть фактическое состояніе, исторически обусловленное. Она все время измѣняется, переплавляется, расширяется, сужается, живет в нас. С одной стороны существует тенденція к расширенію ся границ и даже как будто к преодолѣнію, возникает — и болѣе всего под влияніем христіанства с его культурой — подлинное гражданство міра. Но одновременно, вмѣстѣ с обостренной національной рефлексіей, углубляются національныя грани, и усиливается національная дифференціація. Нація есть воля к бытію, которая может стать и безволіем. Гражданство міра, всечеловѣчность, совсѣм не есть упраздненіе націи, напротив, это есть ея высшій возраст. Человѣчество вращается во всечеловѣческую христіанскую соборность не только в отдѣльных индивидах, но и в націях, во всей конкретности жизни. Обезличивающая нивелировка и абстрактное уравниваніе космополитизма есть пустота, а не вселенскость, так же как волапук есть головное измышленіе, а вовсе не преодолѣніе Вавилонскаго многоязычія. Путь Лозанны, преодолѣніе изнутри, а не извиѣ есть истинная Пятидесятница языков, их дѣлающая понятными друг другу, каждому на своем собственном языкѣ. «Сіи говорящіе не всѣ ли Галилеяне? Как же мы слышим каждый собственное нарѣчіе, в котором мы родились?» (Д. А. 2, 7-8). Поэтому максима здороваго національнаго чувства или даже національнаго альтруизма, в отличіе от Соловьевской, говорит, исходя из своего національнаго чувства, не желай зла и не ищи уничтоженія и насильственнаго растворенія (ассимиляціи) других народов, но признавай их право на существованіе, как и свое собственное, живи и жить давай другим, в свободном соревнованіи сопрягая свои усилія.

Итак, из сказаннаго слѣдует, что нація есть душевно-тѣ-

лесное начало в человѣкѣ, не дух, но душа и тѣло. Стало быть, національному чувству и его цѣнностям не принадлежит автономнаго, самодовлѣющаго бытія, оно должно быть покорено духом с его богоустремленностью. Бог выше націи, и единение в Богѣ выше національнаго единства; соборность духовная объ-емлет всѣ народы, и вселенская церковь состоит из разных національных церквей. Что же означает здѣсь это верховенство духа? Оно значит прежде всего жизненное сознание того, что люди, различные національно, равны и тождественны духовно, — всяческая и во всѣх Христос. Для христіанина языческим и даже животным является такое самосознание, при котором национальность получает первенствующее значеніе. Поэтому духовная аскеза должна обуздывать буйство національных страстей, хотя этим не устраняется такая конкретность духовной жизни, которая получает для себя матеріал и содержаніе в націи, как особом талантѣ.

Главенство духа в натуральном сознаніи ведет, далѣе, к тому, что нація воспринимается не только как данность или факт, но как творческая задача и долг. Национальное начало должно всегда находиться в творческом напряженіи, подобно духу, и лишь в таком образѣ оно оправдывает свое существованіе и является творчески плодотворно, — не есть фетиш или идол, но живая психея. Но и творческое отношеніе к своей національной культурѣ не допускает исключительности, напротив, здѣсь имѣет силу принцип: *ab uno disce omnia*. Может быть, в этом можно найти разгадку того, что великій національный и вмѣстѣ вселенскій поэт Пушкин обладал этим чудесным даром «перевоплощенія» в своем творествѣ. Напрасно Достоевскій, желая возвеличить эту черту генія, усмотрѣл в этой универсальности національную черту русскаго поэта и тѣм умалил ее, превратив в факт то, что не есть факт, но творческій принцип. И, конечно, эта же самая черта, способность к перевоплощаемости, свойственна вообще человѣческому генію, в мѣру его творческаго дара: Шекспиру, Гете. Ибо дѣйственная, творческая любовь свободна, — познайте истину, и истина освободит вас. На почвѣ соревнованія в творествѣ возникает и углубляется взаимная любовь, пониманіе и солидарность

народов, которая достигает своего центрального фокуса в жизни религиозной, в любви ко Христу и в служении Христу. Христиане разных народов должны любить и чтить взаимно свои христианские дары, и они не могут и не должны ненавидеть друг друга национальной ненавистью. Поэтому такие нечестивые выдумки как «deutsches Christentum» или еще хуже «arisches Christentum» (имѣющія для себя предшественников в нашем Союзѣ русскаго народа) внутренне противорѣчивы, ибо вводят недопустимый для христианина примат нации, раздѣляют Христа и хотят изгнать из церкви не-нѣмцев или не-арійцев. Это есть также мерзость перед Господом.

Конечно, не нужно фальшивить и укрываться в идиллию от трагедіи, которую представляет собой всемірная исторія. Нации могут соревнуясь сталкиваться между собой и вступать в борьбу за самое свое существованіе, и может оказаться неизбежною національная самозащита и національная борьба и, по обстоятельствам, не только пассивная, но и активная. Подобные случаи полны искушеній, но руководящим и здѣсь должен оставаться принцип примата духа и творчества, а не голой экспансии. Совѣсть, которой «нѣсть на свѣтъ нужнѣйши», должна свидѣтельствовать о допустимости и недопустимости того или иного проявленія національнаго чувства, и горе, когда она затемняется, и побѣждают страсти.

Итак, нація есть данность и заданность. Парадокс національнаго самосознанія в том, что для послѣдняго собственная нація практически имѣет единственное и исключительное значеніе, подобно собственному я для человѣка, несмотря на то, что все человѣчество состоит из я. Но о себѣ человѣкъ не может говорить в третьем лицѣ, ибо он сам для себя есть субъект, а не объект, и объективность в любви есть своего рода горячій лед, *contradictio in adjecto*. Однако эта единственность есть иллюзія трансцендентальнаго сознанія. Поскольку я в самой яйности своей предполагает нѣкія со-я или внѣ-я, — ты, он, мы, вы, они, — постольку и нація в конкретной особености своей предполагает другія со-націи и ими ограничивается в отношеніи своего эгоцентризма. И как другія со-я для замкнутаго я открывают врата любви, по образу тріипостасной Любви, так и

эти сонациональные я открывают двери к солидарности народов, и только эта открытость составляет условие здорового национального самосознания, не отравленного исключительностью эгоцентризма и заранее устранивающего идею избранности и единственности. Здесь перед нами встает проблема избранного народа, на что всегда притязает потерявшее равновесие национальное чувство, причем парадоксия этого чувства приводит к тому, что нарочито антисемитствующий национализм пародирует именно пережившее себя еврейское самосознание избранности. Ветхозавѣтный Израиль был избранным народом, с которым сам Бог в лицѣ Авраама заключил завет и удостоил его быть истинным носителем богопочитания. К чему относилось и какое значение имѣло это богоизбранничество? Конечно, оно могло относиться именно к тому, что в Израиль имѣло характер всечеловѣческой всеобщности, а не частной этнической особенности. В послѣднем смыслѣ Израиль и по Библии представляется лишь отпрыском цѣлой национальной группы (Сим, Хам, Иафет) и в свою очередь дает отпрыски (Измаил), и сам есть, конечно, только один из многих, — небольшой народец, не имѣющий своей особой культуры и политическаго значенія, притом «жестоковѣйный», с «необрѣзанным сердцем», по природным свойствам менѣе для нас привлекательный, чѣм, например, эллины и их культурные предки египтяне и др. Избранничество имѣет значение преодоленія национального партикуляризма, которое осуществлялось в Адамѣ до грѣхопаденія: цѣлостный, сверхнациональный или внѣнациональный всечеловѣк. Израиль был призван послужить боговоплощенію, явленію Новаго Адама, в котором «благословятся всѣ племена земныя», и «иѣсть эллин и іудей». Израиль призван был стать глиной в руках горшечника, и для приготовления этой глины, для выдѣленія и воспитанія «святого остатка» Церкви Ветхозавѣтной были даны всѣ благодатныя средства к тому, чтобы на древѣ Израиля расцвѣла райская лилія, и в мірѣ явилась Дѣва Марія, которая стала Матерью Господа, а в лицѣ Іоанна апостола — и всего чело-вѣческаго рода. Конечно, есть таинственная и не подлежащая разумнѣю связь между іудейским народом и его порожденіем — Новым Адамом, как между глиной и сосудом, однако глина

не есть сосуд, и не фактическая принадлежность к племени сама по себѣ дает эту избранность, как прямо и говорит ап. Павел: «Не всѣ тѣ Израильтяне, которые от Израиля, и не всѣ тѣ дѣти Авраама, которыя от сѣмени (его)... То-есть не плотскія дѣти суть дѣти Божія, но дѣти обѣтованія признаются за сѣмя» (Рим. 9, 7-8). И надо прямо сказать: избранничество избраннаго народа закончилось вмѣстѣ с достижением цѣли боговоплощенія, и послѣ него нѣтъ и не может быть избраннаго народа, кто бы на это ни притязал, ибо всѣ избраны и призваны (как и об Израилѣ самом говорит ап. Павел: «дары и призваніе Божіе непреложны» Р. 11, 29). Поэтому идея избраннаго народа имѣет только хринологическій смысл, в связи с боговоплощеніем, а послѣ совершившагося боговоплощенія все человѣчество стало человѣчеством Христовым. Поэтому и Израиль потерял свою избранность, и вообще является кощунственным притязаніем со стороны какого-либо народа только самого себя считать народом избранным, т.-е. народом Христовым. Всѣ народы суть Христовы, но и к каждому может быть обращено слово Его в Апокалипсисѣ к церкви Ефесской: «Скоро приду к тебѣ и сдвину свѣтильник твой с мѣста его, если не покаешься» (Откр. 2, 5).

Образ самого Христа дает нам идеал нормальнаго соотношенія національнаго и вселенскаго сознанія. Господь воспринял подлинное человѣчество, которое включает и конкретное національное самосознаніе. Он был сын Давида, сын Авраама (Мѡ. 1, 1). Он считал себя посланным прежде всего к погибшим овцам дома Израилева, дѣтям Божіим, по сравненію с которыми язычники были «псами», и не отрицался, когда самарянка зовет Его іудеем («жидовин сый») (Іо. 4, 8). Он плакал о св. городѣ и Своем народѣ, который Он хотѣлъ собрать около Себя, как кокош собирает птенцов под крылья свои, и об его судьбѣ: «нынѣ оставляется дом ваш пуст», — о чем Он так много говорит и в притчах. И однако при всей естественности и отвѣтственности своего національнаго служенія, Господь не только не уничижает ни сиропиникіянку, ни самарянку, ни эллинов, ни римлян, но в свершеніе своего служенія посылает апостолов ко всѣм языкам, навстрѣчу Пятидесятницѣ народов.

И, что еще важнѣе, в пресвѣтлом ликѣ Сына Авраамова нѣтъ никаких слѣдов національной ограниченности, с которыми у людей обычно связана их индивидуальность, но, напротив, в ликѣ національном свѣтится вселенскій, всечеловѣчскій. Всѣ національные лики в ликѣ Христовом узнают и находят свой собственный лик, это одно из молчаливых чудес Евангелія, с нерукотворным образом Христа в нем содержащемся. И в этом образѣ, которым запечатлѣн всякій человѣчскій лик, находят для себя единеніе всѣ національные лики: эллины и іудеи, варвары и славяне, как и мужескій пол, так и женскій. Во Христвѣ получают для себя отвѣтъ всѣ вопросы, в частности и національные. Национальность есть в нас и страсть, и бремя, и судьба, и долг, и дар, и призваніе, и жизнь. Ей должна быть являема вѣрность, к ней должна быть хранима любовь, но она нуждается в воспитаніи, просвѣтленіи, преображеніи. Космополитическій гомункул вольтеровскаго и коммунистическаго образца в жизни не существует, иначе как только діалектическій момент в путях исторіи. Церковь состоит из національных церквей, также как человечество из націй. И для нас, русских, православная культура предстоит, как наш русскій творческій вклад во вселенское дѣло. Только національное есть и вселенское, и только во вселенском существует національное. Дух един и прост, плоть же, с ея психеей, многочастна и многообразна, «многообразная Премудрость Божія» (Еф. 3, 10).

Прот. С. Булгаков.